МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

П.В. Топычканов, Ю.В. Устинова*

К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВАХ СОЗДАНИЯ ВТОРОЙ «ИСЛАМСКОЙ БОМБЫ»: СРАВНЕНИЕ ВНЕШНИХ ФАКТОРОВ РАЗВИТИЯ ЯДЕРНЫХ ПРОГРАММ ПАКИСТАНА И ИРАНА

Статья посвящена анализу внешних условий, способствующих выбору в пользу развития военной ядерной программы. Сравнение обстоятельств, при которых Пакистан принимал решение перейти ядерный порог, с ситуацией, в которой развивается ядерная программа Ирана, позволяет выявить типичные внешние факторы, способные повлиять на «ядерный выбор». К ним относятся, в частности, внешняя угроза выживанию режима и привлекательно высокий статус ядерных держав. В статье предложены рекомендации, которые позволили бы снизить негативное воздействие данных факторов на пороговые государства.

Ключевые слова: ядерный выбор, ядерное нераспространение, пороговые государства, Иран, Пакистан, ДНЯО, МАГАТЭ.

This article examines the impact of external conditions on the choice to develop a nuclear weapons program. A comparison of external conditions which influenced the nuclear choice of Pakistan with those which have been accompanying the development of the Iranian nuclear program assists in identifying the typical external factors that push "threshold" states towards acquiring nuclear weapons. These factors include: threats to a regime's survival and attractively high status of the nuclear powers. This article also offers recommendations that can help lower the negative impact of these factors on the "threshold" states.

Keywords: nuclear choice, nuclear nonproliferation, threshold states, Iran, Pakistan, NPT, IAEA.

В ряде исследований по ядерной проблематике утверждается, что «ядерный выбор», т.е. выбор между использованием атомной энергии в мирных или военных целях, изначально осознается все-

^{*} Топычканов Петр Владимирович — к.и.н., ст. науч. сотр. Центра международной безопасности Института мировой экономики и международных отношений РАН, координатор программы «Проблемы нераспространения» Московского центра Карнеги (e-mail: ptopych@carnegie.ru); Устинова Юлия Владимировна — магистр социологии Лондонского королевского колледжа, соискатель Института США и Канады РАН, секретарь Российской ассоциации политической науки (e-mail: ustinova@raon.ru).

ми государствами (исключением в данном отношении являются Аргентина и Бразилия, которые развивали атомную энергетику, не имея ясного представления о конечных целях). Как отмечает А.Г. Арбатов, если Австралия, Италия, Канада, Нидерланды, ФРГ, Япония и другие страны сделали выбор в пользу «мирного атома», то «большая пятерка» (Великобритания, КНР, СССР/Россия, США, Франция), а также Израиль, Индия, Пакистан и ЮАР целенаправленно вели деятельность по созданию ядерного оружия (ЯО) [1, с. 143—144]. О намерениях последних четырех стран свидетельствовал их отказ от подписания Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО).

Данное утверждение требует уточнений. Во-первых, существуют примеры, показывающие, что государства могут пересмотреть изначальные планы. Так, ЮАР, добровольно отказавшись от военной ядерной программы, присоединилась к ДНЯО в 1991 г., а КНДР, наоборот, вышла из Договора в 2003 г., продемонстрировав тем самым намерение создать ЯО. Во-вторых, окончательный вывод о выборе государства между использованием атомной энергии в мирных или военных целях можно сделать только на основании факта создания и развития ЯО, находящего подтверждение в ядерных испытаниях, развитии стратегических ядерных сил (СЯС), военных доктринах и официальных заявлениях о готовности применить такое оружие.

Если этот факт не подтверждается, о «ядерном выборе» можно говорить только предположительно. Косвенными его признаками могут быть форсированное развитие ядерных технологий, военноприкладные программы, создание средств доставки ЯО, а также нарушения режима нераспространения. Эти признаки не являются *per se* доказательством «ядерного выбора», они лишь позволяют оценивать возможность создания ЯО.

Косвенные признаки выбора между использованием атомной энергии в мирных или военных целях могут и должны служить поводом для соответствующей реакции мирового сообщества, направленной на предотвращение горизонтального ядерного распространения, т.е. увеличения количества государств, обладающих ЯО. Анализ возможных мер, направленных на снятие озабоченности в связи с косвенными признаками «ядерного выбора» и в итоге — на предотвращение ядерного распространения, представлен в специальных исследованиях [см., например: 9]. Целью этих мер часто заявляется укрепление институтов режима ядерного нераспространения, прежде всего Совета Безопасности ООН (СБ ООН) и Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) [15, р. 8—9].

Очевидно, что главные задачи этих институтов и государств, входящих в них, — не только контроль соблюдения режима ядер-

ного нераспространения и наказание виновных в его нарушениях, но и предотвращение таких нарушений. Для решения последней задачи крайне важным является определение факторов, влияющих на выбор между использованием атомной энергии в мирных или военных целях, и способов снижения их значения. В данной статье определяются внешние факторы «ядерного выбора» на примере Пакистана и Ирана.

Подходя формально к этим государствам, сложно найти между ними сходство в области ядерной политики. Иран подписал ДНЯО в 1968 г. и ратифицировал его в 1970 г. Пакистан отказывается это сделать до настоящего времени. Такую же позицию Пакистан занимает в отношении Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ). Иран же подписал его в 1996 г., правда, еще не ратифицировал.

Наконец, Пакистан сделал «ядерный выбор», запустив военную ядерную программу в 1970-е гг., проведя ядерные испытания в 1998 г. и создав СЯС. Иран же официально утверждает, что вся его деятельность в ядерной области носит исключительно мирный характер. Однако ряд косвенных признаков, о которых речь пойдет далее, позволяет говорить о том, что в Иране растут возможности создания ЯО. Сравнивая Пакистан, в котором «ядерный выбор» стал очевидным, с Ираном, в котором вероятность развития военной ядерной программы пока только растет, авторы статьи ставят своей задачей определение внешних факторов, влияющих на выбор между использованием атомной энергии в мирных или военных целях.

«Ядерный выбор» Пакистана

Пакистан в развитии своей военной ядерной программы следовал по стопам Индии. К созданию ЯО он приступил в середине 1970-х гг., т.е. только после того как удостоверился в решении Индии перейти ядерный порог (толчком стали поражение Пакистана в индийско-пакистанской войне 1971 г., приведшее к образованию Бангладеш, и, самое главное, «мирные» ядерные испытания 1974 г. в Индии).

К тому времени Пакистану удалось достичь определенных успехов в развитии атомной энергетики, интерес к которой был обусловлен дефицитом энергоресурсов. Начало разработке таких программ было положено в середине 1950-х гг. В 1965 г. в Пакистане был запущен исследовательский реактор мощностью 10 МВт, работавший на топливе из США, а в 1972 г. — первая АЭС Каннуп с одним реактором мощностью 125 МВт (построена при помощи Канады) в Карачи, столице провинции Синда. Позднее, в 2000 г.,

начала работу АЭС Чашма мощностью 300 МВт, построенная при помощи Китая близ пакистанской столицы — Исламабада. На все эти объекты распространяются гарантии МАГАТЭ.

С 1970-х гг. велась также добыча урановой руды, которая перерабатывается сейчас в Дера Гхази Хан и Исса Кхеле (провинция Панджаб; с 1978 и 1990 г. соответственно). Обогащение урана производится в Кахуте (Панджаб; с 1984 г.), переработка — в Исламабаде (с 1986 г.), производство уранового топлива — в Чашме (Панджаб; с 1986 г.) [19]. В 1970-е гг. был создан объект для наработки плутония в Чашме. Франция, при помощи которой он строился, в 1978 г. прекратила сотрудничество с Пакистаном, поскольку к тому времени стал очевиден его выбор в пользу создания ЯО. На все эти объекты гарантии МАГАТЭ не распространяются.

В ходе развития гражданской ядерной программы были созданы научно-техническая база и прочие необходимые условия для перехода к использованию атомной энергии в военных целях. Этот переход был сделан под влиянием не только индийского фактора. Пакистан стремился укрепить свои позиции среди мусульманских стран, став первым среди них обладателем ЯО. Тезис об «исламской бомбе», который позже был отвергнут лидерами Пакистана, использовал глава государства Зулфикар Али Бхутто для получения помощи от богатых арабских стран. Деньги на «исламскую бомбу» дали Саудовская Аравия, Ливия и Объединенные Арабские Эмираты.

В развитии ядерного комплекса помощь Пакистану оказали Китай и Северная Корея. Что касается последней, то сотрудничество с ней, возможно, способствовало, с одной стороны, созданию в Пакистане ракетных средств доставки ЯО, а с другой — развитию военной ядерной программы Северной Кореи [16]. Эта взаимозависимость сейчас полностью отвергается официальным Исламабадом¹, а передача ядерных технологий Северной Кореи связывается с незаконной деятельностью Абдул Кадир Хана.

Проработавший в 1972—1975 гг. в европейском урановом консорциуме «УРЕНКО», а затем вернувшийся в Пакистан А.К. Хан сыграл важную роль в развитии военной ядерной программы страны. Он возглавил «Проект 706» в Кахуте (вблизи Исламабада) по промышленному обогащению урана (в 1984 г. этот проект был назван Исследовательской лабораторией им. Хана). К 1987 г. было получено достаточное количество высокообогащенного урана для ядерного заряда. В конце 1980-х гг. все было готово к проведению ядерных испытаний (в 1983—1984 г. Китай, возможно, передал Па-

 $^{^{1}}$ См. мнение П. Мушаррафа: «Эта сделка [с Северной Кореей о приобретении ракетных технологий за деньги. — $\Pi.T.$] не предполагала передачу ей ядерных технологий, как полагают некоторые незнающие авторы» [16, р. 286].

кистану чертежи конструкции ядерного взрывного устройства) [5, с. 50—60].

Успехи Пакистана в развитии ядерных технологий вызвали озабоченность у его главного стратегического партнера — США, законодатели которых приняли поправки Гленна (1976), Саймингтона (1977) и Пресслера (1985) к Закону о помощи иностранным государствам (в 1994 г. эти поправки были применены и к Закону о контроле над экспортом вооружений). В отличие от Индии, Пакистан не имел широкой производственной базы для развития ядерной программы, поэтому он сильно пострадал от этих поправок. Выходом из сложившейся ситуации стала контрабанда необходимых компонентов и ядерных материалов. Позже сеть, созданная А.К. Ханом, стала работать на импорт этих компонентов и материалов в Ливию, Иран и КНДР. Плотная завеса секретности, отсутствие транспарентности, какого-либо контроля со стороны общественности — все это позволило А.К. Хану долго заниматься контрабандой, которая приносила большие доходы. Грубейшее нарушение гражданами Пакистана режима нераспространения сильно дискредитировало страну на международной арене и помогло Индии наладить сотрудничество с США в ядерной области, поскольку, в отличие от Пакистана, Индия не запятнала себя подобными нарушениями [4; 21].

В мае 1998 г. Индия и Пакистан последовательно провели ядерные испытания. Ответ Пакистана на действия Индии был полностью симметричным: за два дня было взорвано шесть зарядов (Индия в 1998 г. взорвала пять зарядов, но с учетом «мирных» испытаний 1974 г., во время которых был взорван еще один заряд, количество их становится идентичным).

Испытания ЯО сделали положение Пакистана еще более сложным. Основываясь на резолюции СБ ООН № 1172, принятой 6 июня 1998 г., США наложили санкции, ограничившие многие программы двустороннего сотрудничества: было завершено финансирование проектов военно-технического характера, запрещена продажа Пакистану товаров и технологий двойного назначения, прекращены программы, стимулировавшие развитие торгово-экономических отношений. Целью санкций было подписание Пакистаном ДВЗЯИ, объявление моратория на производство расщепляющихся материалов, ограничение программ по созданию средств доставки ЯО, введение запрета на экспорт ядерных материалов и технологий военного назначения в другие страны [20, р. 142—143].

Однако Пакистан продолжил увеличивать количество ядерных материалов для боезарядов, повышать качество ракетных средств, создавать системы управления и контроля ядерных вооружений. В настоящее время главная цель ядерной политики Паки-

стана — продолжение работ по количественному и качественному развитию ЯО в целях создания арсенала, достаточного для того, чтобы «любое ядерное нападение на Пакистан и его вооруженные силы привело к адекватному ядерному возмездию, способному нанести агрессору невосполнимый урон» [24].

В силу закрытости информации о ядерном вооружении Пакистана данные о количестве боеголовок крайне разрозненны и существенно отличаются друг от друга. Они основываются на предполагаемых запасах оружейного урана и плутония. Так, некоторые американские специалисты считают, что Пакистан имеет и может собрать в течение нескольких часов или дней 30-50 урановых и 3—5 плутониевых боезарядов [12, р. 1—2; 13, р. 207]. По другим источникам, ядерный арсенал Пакистана составляет от 15 до 60 и более боезарядов [5, с. 133]. Принята рассчитанная на 15 лет программа оснащения ЯО трех основных видов вооруженных сил. Исламабад, провозгласив право применять ЯО первым, заявил о невозможности присоединения к ДНЯО в качестве неядерного государства и занял уклончивую позицию в отношении ДВЗЯИ. В то же время он объявил односторонний мораторий на ядерные испытания, выразил готовность прекратить производство расщепляющихся материалов в военных целях и заявил о желании участвовать в подготовке договора о запрещении производства таких материалов для военных целей. Кроме того, видимо, в пропагандистских целях было заявлено об открытии двух ядерных объектов для инспекций МАГАТЭ.

Таким образом, к внешним факторам «ядерного выбора» Пакистана относятся: 1) внешняя угроза выживанию режима (со стороны Индии); 2) стремление к более высокому статусу на мировой арене (тезис об «исламской бомбе»). Политическое и экономическое давление в форме санкций не помогло предотвратить переход Пакистаном ядерного порога. Однако являются ли эти факторы актуальными также и для Ирана?

Иран у ядерного порога

Актуализация иранского вопроса в международной повестке дня во многом вызвана активизацией ядерной программы Ирана [10], а также кризисом режима нераспространения, связанным с неофициальным признанием Индии и Пакистана ядерными государствами, которые в 1998 г. продемонстрировали миру наличие ядерных вооружений.

Официальный Тегеран отрицает военный характер своей ядерной программы, однако можно предположить, что свержение режима С. Хусейна в Ираке, давление администрации Дж. Буша-младшего

на Иран, а также развитие стратегического потенциала в соседних Индии и Пакистане могли стать стимулом для начала тайной деятельности Ирана по созданию ЯО. Тем более что развитие атомной энергетики превращено в важнейшую общенациональную задачу дальнейшего развития страны и уже позволило заложить серьезную научно-техническую базу для начала военной программы [14; 17].

Исследования Ирана в ядерной области начались почти 50 лет назад с подписания в 1957 г. соглашения с США о сотрудничестве в мирном использовании атомной энергии в рамках американской программы «Атомы для мира». В соответствии с программой США должны были оказывать Ирану помощь в развитии ядерной энергетики в виде поставок ядерных установок и оборудования, а также обеспечивать подготовку специалистов в этой области в обмен на право мониторинга и инспектирования соответствующих объектов для проверки их использования исключительно в мирных целях [11, с. 51—53]. В 1958 г. Иран ратифицировал устав МАГАТЭ, а в 1959 г. при Тегеранском университете был создан Центр ядерных исследований, на базе которого в 1967 г. началось строительство первого атомного реактора. На том этапе США поддерживали шахский Иран, и американские специалисты активно содействовали строительству этого объекта. Так, в 1967 г. в рамках указанного соглашения при финансовой и технической поддержке МАГАТЭ Соединенные Штаты поставили в Тегеранский Центр ядерных исследований исследовательский реактор мощностью 5 МВт, имевший в качестве топлива более 5,5 кг высокообогащенного урана [9, с. 34]. В 1970-е гг. по инициативе шаха Мохаммеда Реза Пехлеви была разработана программа по созданию замкнутого ядерного цикла и строительству 23 атомных реакторов. Предполагалось, что 6—8 реакторов будут поставлены США и еще 12 — Западной Германией и Францией. В 1974 г. Иран подписал Соглашение о гарантиях с МАГАТЭ и приступил к реализации программы, а также приобрел за 1 млрд долл. 10% акций газодиффузионного завода по обогащению урана, строившегося во Франции. Помимо этого Иран вел переговоры с США о покупке 25%-ной доли в одном из обогатительных предприятий Соединенных Штатов [11, с. 52].

Весьма показательным фактом, свидетельствующим о позиции европейских государств в вопросе о ядерном развитии Ирана, является то, что многочисленные иранские эксперты получали образование и подготовку в области ядерной физики в США и Западной Европе — Бельгии, Великобритании, Западной Германии, Италии, Швейцарии и Франции. В одном из ведущих американских технических университетов — Массачусетском технологическом институте — была создана специальная программа для подготовки иранских специалистов в области атомной энергетики [9, с. 38].

Ситуация изменилась после «мирного» ядерного испытания, проведенного Индией в мае 1974 г. В результате последующих консультаций между основными ядерными поставщиками, включая Францию и Западную Германию, были выработаны Руководящие принципы ядерного экспорта. Одним из краеугольных камней документа было условие, предусматривавшее требование поставшика возвращать отработанное ядерное топливо, чтобы исключить выделение плутония в стране-получателе. Однако, как отмечает А. Хлопков, уже тогда Франция, Западная Германия и США придерживались избирательного подхода в этом вопросе при обсуждении соглашений о поставках для АЭС. Например, США первоначально не выдвигали подобное условие в рамках переговоров с Тегераном, в отличие от аналогичных переговоров с Израилем и Египтом, объясняя это тем, что «к Ирану нельзя подходить, как к Израилю или Египту, по одной простой причине — Иран в отличие от указанных государств является членом Договора о нераспространении ядерного оружия» [9, c. 40].

В то же время в связи с усилением контроля над ядерным экспортом со стороны держав ядерного клуба передача чувствительных установок и технологий фактически превратилось в эмбарго. Эти изменения существенно усложнили для Ирана реализацию национальной программы по развитию атомной энергетики. При этом новые меры рассматривались шахским режимом как дискриминационные, нарушавшие суверенные права страны и выходившие за рамки положений ДНЯО [9, с. 41].

Исламская революция 1979 г. привела и вовсе к сворачиванию всех проектов в атомной области и расторжению всех контрактов по сооружению АЭС с иностранными компаниями. Возведенная и практически полностью (на 80%) укомплектованная оборудованием станция в Бушере сильно пострадала во время ирано-иракской войны 1980—1989 гг.

Новое руководство Ирана сначала не выказывало большого интереса к ядерным технологиям. Постепенный пересмотр отношения к необходимости инвестирования в высокотехнологичные предприятия, в том числе атомного комплекса, как пишет А. Хлопков, стал наблюдаться по мере развития боевых действий на фронтах ирано-иракской войны. Изменение позиции в этом вопросе было связано в первую очередь с двумя факторами: поддержкой Багдада со стороны обеих сверхдержав (и СССР, и США), включая многочисленные поставки передовых вооружений, что стимулировало руководство Ирана к достижению самодостаточности по ключевым направлениям обеспечения национальной безопасности страны, а также с эффективным и безнаказанным применением

химического оружия иракскими войсками [9, с. 42]. Следует отметить, что европейские государства и мировое сообщество не осудили применение Ираком химического оружия, что, безусловно, послужило сигналом для Тегерана. В сложившейся ситуации иранский режим не только получил обоснование для развития ядерных технологий, но и смог обеспечить поддержку собственного народа в реализации программы. Таким образом, внешние факторы с определенного момента стали оказывать самое серьезное влияние на «ядерный выбор» Тегерана.

Со временем это влияние стало еще более очевидным. Попытки Ирана возобновить сотрудничество с европейскими партнерами в области строительства АЭС и поставок оборудования завершились безрезультатно, в частности по причине давления со стороны США. Это подтолкнуло Тегеран к поиску контактов с менее развитыми в ядерной области странами, не придерживавшимися жестких правил в области контроля над ядерным экспортом и находившимися вне режима нераспространения ЯО. Так началось сотрудничество Ирана с Китаем и Пакистаном, а также с Индией. Именно тогда Тегеран вышел на нелегальную сеть, созданную «отцом» пакистанской ядерной бомбы А.К. Ханом [11, с. 54]. В начале 1990-х гг. Иран начал активно сотрудничать с Россией в области мирного использования атомной энергии: в 1992 г. было подписано двустороннее межправительственное соглашение о сооружении АЭС в Бушере, а в 1995 и 1998 гг. — контракты на достройку атомного реактора и завершение строительства станции «под ключ».

В 2003—2004 гг. МАГАТЭ начало расследование незадекларированной деятельности Ирана, во многом благодаря раскрытию в 2002 г. «черного рынка А.К. Хана». Стало ясно, что ядерная программа Тегерана более развита, чем предполагалось, прежде всего в области ядерного топливного цикла. МАГАТЭ выявило целый ряд нарушений, включая сокрытие Ираном фактов создания новых ядерных объектов. Забегая вперед, необходимо отметить, что сокрытие Ираном этих объектов было не частным случаем, а целенаправленной политикой. В 2009 г. Тегеран обнародовал информацию о еще одном объекте — заводе по обогащению урана в Куме.

Усложнению иранской ядерной программы способствовала также политика президентской администрации Дж. Буша-младшего. Записав Иран в «ось зла», апеллируя к военным инструментам давления, отказываясь от элементов политики «вовлечения», декларируя «максималистские цели», США не способствовали стабилизации американо-иранских отношений, хотя вклад Тегерана в разлад с Вашингтоном был не меньше, если не больше вклада Вашингтона.

Позиция администрации Дж. Буша-младшего дала некоторым авторам основание для предположений о конечной цели иранской политики Соединенных Штатов — смене режима в Тегеране. Так, эксперт Института Брукингса Айво Даалдер писал: «Смена режимов стала отличительной чертой внешней политики президента Буша. За два года Буш сверг два режима ("Талибана" и Саддама Хусейна), попытался отодвинуть на обочину третий (Ясира Арафата) и страстно хочет сменить следующие — Ким Чен Ира и иранских мулл и властителей, правящих большей частью арабского мира» [22, 23.07.2003].

Лишним доказательством того, что ограничение иранской ядерной программы служит для США не только самоцелью их политики в отношении Ирана, но и поводом для давления на эту страну, является, в частности, выступление Дж. Буша-младшего в 2003 г. Соглашаясь с тем, что «ислам совместим с демократическим правлением», американский президент, тем не менее, подчеркнул, что во многих странах Ближнего Востока существует «дефицит свободы», который порождает нищету и застой. Среди стран, игнорирующих призывы к демократическим реформам, он назвал Сирию и Иран и в отношении последнего высказался достаточно недвусмысленно: «Тегеран должен либо прислушаться к требованиям иранского народа, либо утратить последнюю претензию на легитимность» [24]. Какими методами и средствами Вашингтон будет добиваться признания «нелегитимности» иранских властей, Дж. Буш не пояснил. Возможно, речь шла об оказании политического и экономического давления на Иран, поисках более действенных антииранских экономических санкций, поддержке иранской оппозиции в целях подготовки смены внутриполитического режима в Тегеране. В частности, в апреле 2005 г. Госдепартамент объявил о намерении выделить дополнительные 3 млн долл. «институтам образования, гуманитарным группам, неправительственным организациям и частным лицам внутри Ирана для поддержки развития демократии и прав человека» [3, с. 3]. В 2006 г. размеры этих выплат были увеличены до 10 млн долл., а в 2007 г. Конгресс США принял закон о выделении 75 млн долл. на развитие в Иране демократии [26, 11.10.2007].

К концу 2003 г. в свете усложнившейся для США ситуации в Ираке Вашингтон предпринял некоторые шаги для сближения с Ираном. Трудности, с которыми столкнулись Соединенные Штаты на пути утверждения демократии в Ираке, его политического переустройства и восстановления, заставили их смягчить политику на иранском направлении. Иран стал первым государством региона, официально признавшим созданный американцами Временный правящий совет Ирака. Соединенные Штаты пригласили

Иран принять участие в конференции стран-доноров Ирака, прошедшей в Мадриде в конце октября 2003 г. [2; 17].

Смена власти в Тегеране — приход на должность президента в 2005 г. радикала М. Ахмадинежада — создала наибольшую проблему для перспектив сдерживания ядерных амбиций Ирана. Новый президент взял курс на ужесточение подходов ко всем пунктам разногласий с США, в частности по вопросам о ядерной программе, судьбе Государства Израиль, оказании помощи «Хезболле» и «Хамасу» и т.д. Причем, по мнению российских исследователей, такой поворот иранской внешней политики не был только следствием смены президента, но в большей степени стал ответной реакцией на действия США в регионе и в отношении самого Ирана [2, с. 150—151]. Помимо поддержки антииранской оппозиции, лоббирования интересов Израиля и оказания давления на европейские государства, сотрудничающие с Ираном, США предприняли резкий выпад против Тегерана. Так, в начале 2007 г. Дж. Буш, излагая «новую стратегию» администрации в отношении Ирака, обвинил Иран и Сирию в оказании поддержки антиамериканским силам и предоставлении своей территории для подготовки и перемещения террористических группировок [2, с. 154]. Затем Вашингтон начал наращивать военно-морскую группировку США в регионе Персидского залива, что могло быть расценено как угроза нанесения удара по Ирану или военное давление на режим.

Безусловно, вероятность ядерной угрозы со стороны Ирана вкупе с таким фактором, как связи ИРИ с «Хамасом» и «Хезболлой», занимающими, в частности, крайне непримиримую позицию по отношению к Израилю, усиливали опасения США. В то же время у государств — членов СБ ООН не сформировалось единого мнения относительно политики в отношении Ирана, тем более что у каждой из них существуют собственные торгово-экономические связи с Тегераном, которые могут быть утрачены в случае введения жестких экономических санкций, на которых настаивают Соединенные Штаты [2]. Однако после очередного отказа ИРИ пойти на компромисс при выработке общего с ЕС и США решения по сдерживанию иранской ядерной программы Совет ЕС в конце 2006 г. фактически признал провал переговоров и объявил о своей готовности обсуждать в СБ ООН вопрос о введении против ИРИ международных санкций. Неудивительно, что это заявление вызвало весьма негативную реакцию со стороны Ирана, заявившего о нерациональности и недальновидности такого решения [2, с. 172—173].

Официальные власти Ирана не раз заявляли, что они в принципе готовы к подписанию Дополнительного протокола МАГАТЭ при условии снятия экономических санкций, которые не позволяют ему получать новые ядерные технологии из стран — участниц

ДНЯО². Это позволило бы снять подозрения относительно его ядерных амбиций, что помогло бы предотвратить силовое решение ядерной проблемы Ирана. Несмотря на ряд договоренностей с МАГАТЭ в 2003—2004 гг., Протокол так и не был ратифицирован Ираном из-за ухудшения его отношений с мировыми державами и самим агентством. Яснее понять мотивы политики Ирана в данном вопросе можно, если принять во внимание тот факт, что развитие ядерных технологий Тегеран воспринимает не только как средство сдерживания, но и как элемент национального престижа и атрибут регионального лидерства на Ближнем Востоке. Показательно, например, что еще шахский режим придерживался официальной позиции, в соответствии с которой у государства нет интереса к приобретению ЯО. Однако в интервью газете The New York Times шах заявлял: «Честно, я действительно не думаю о ядерном оружии. Но если 20 или 30 нелепых маленьких стран собираются создавать ядерное оружие, тогда, возможно, мне придется пересмотреть свою политику» [22, 24.09.1975].

Наконец, дополнительным фактором, позволявшим Ирану продолжать ядерные разработки, было отсутствие сотрудничества между двумя главными ядерными державами — Россией и США в вопросе о нераспространении. Как указывала заместитель госсекретаря США Роуз Гетемюллер, это было обусловлено одним обстоятельством: для Соединенных Штатов возможность совместной деятельности с Россией в области атомной энергетики была напрямую связана с проблемой ядерного сотрудничества России с Ираном. Вашингтон опасается, что Москва занимает в отношении Ирана мягкую позицию, не желая признать необходимость жестких мер, предложенных СБ ООН, чтобы остановить Иран в его стремлении обладать ЯО. Напротив. с точки зрения России. Соединенные Штаты одержимы идеей любой ценой наказать Иран, не вполне представляя себе последствия подобных шагов. Россия, похоже, больше всего обеспокоена тем, что США способны быстро начать военные действия, не заботясь о том, как это может повлиять на стабильность в регионе [9, с. 163]. Характерно, что даже наметившаяся координация действий между Москвой и Вашингтоном по данному вопросу и согласие РФ поддержать жесткие санкции СБ ООН против Ирана не привели к выработке единой позиции. США прибегли к односторонним санкциям, а Россия объявила о продолжении сотрудничества с Ираном в обла-

² Подписание Дополнительного протокола осуществляется государствами — участниками ДНЯО на добровольной основе. На середину 2003 г. из 155 участников Договора 80 государств подписали Дополнительный протокол, но лишь 35 ввели его в действие.

сти энергетики (строительство АЭС в Бушере и поставки топлива и нефтепродуктов).

Таким образом, внешние факторы развития ядерной программы Ирана оказываются схожи с факторами, способствовавшими принятию Пакистаном решения о создании ЯО: 1) внешняя угроза выживанию режима как главный фактор (со стороны США и их союзников); 2) стремление к более высокому статусу на мировой арене [6, с. 49—50].

* * *

Анализ внешних факторов «ядерного выбора» — сделанного в случае Пакистана и возможного в случае Ирана — позволяет выделить несколько общих уроков для режима ядерного нераспространения.

Во-первых, рассмотрение политических отношений с определенным режимом выше интересов нераспространения недальновидно. Соединенные Штаты имели стратегические отношения с Ираном до Исламской революции 1979 г. Именно в тот период была заложена база иранской ядерной программы. То же самое произошло и в случае с Пакистаном. США начали сворачивать сотрудничество с этим государством в области мирного атома только тогда, когда ему уже были переданы чувствительные технологии, использованные позже Пакистаном при создании ЯО.

Во-вторых, внешняя угроза определенному режиму является одним из главных стимулов для развития им военной ядерной программы. Эта угроза заставляет страны мобилизовать все ресурсы, идти на нарушения режима ядерного нераспространения, вовлекая другие государства в контрабандные сети.

В-третьих, упор на военное, политическое и экономическое давление, направленное на предотвращение создания ЯО, оказывается, как правило, непродуктивным. Такие методы были бы более эффективны как последнее предупреждение, за которым может последовать применение военной силы. Отказ же государства от стремления к ЯО должен поощряться политическими и экономическими стимулами.

В-четвертых, отсутствие единства мировых держав по проблемам ядерного нераспространения затрудняет выработку эффективной политики в отношении пороговых государств. Укрепление такого единства способствовало бы росту авторитета международных организаций, которые призваны отвечать на вызовы режиму ядерного нераспространения (СБ ООН, МАГАТЭ), и отвратило бы пороговые государства от «ядерного выбора».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. *Арбатов А.Г.* Проблемы Договора и режима нераспространения // Ядерное оружие после «холодной войны» / Под ред. А.Г. Арбатова, В.З. Дворкина. М.: РОССПЭН, 2006.
- 2. Демиденко С., Савкин Н. Ситуация, складывающаяся в отдельных государствах и субрегионах Большого Ближнего Востока // Гусейнов В., Денисов А., Савкин Н., Демиденко С. Большой Ближний Восток: стимулы и предварительные итоги демократизации. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007.
- 3. *Мирский Г*. Иран и США: противостояние на фоне «ядерного кризиса» // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 7. С. 3—14.
- 4. *Новиков В.Е.* Утечки ядерных технологий из Пакистана подтверждение кризиса международного режима нераспространения ядерного оружия // Ядерный контроль. 2004. № 2(72). Т. 10. С. 95—103.
- 5. Пикаев А.А. Нестратегические ядерные вооружения // Ядерное распространение: новые технологии, вооружения и договоры / Под ред. А.Г. Арбатова, В.З. Дворкина. М.: Московский Центр Карнеги; РОССПЭН, 2009.
- 6. Сажин В.И. Некоторые аспекты ядерной проблемы Ирана и возможные пути ее решения // Новая резолюция Совета Безопасности ООН по Ирану: перспективы разрешения иранской ядерной проблемы. Материалы заседания рабочей группы Международного люксембургского форума (Москва, 14 апреля 2008 г.). М., 2008.
- 7. Сотников В.И. Ядерная проблема в индийско-пакистанских отношениях (вторая половина XX начало XXI века). М.: Научная книга, 2003.
- 8. *Суслов Д.В.* Политика США в области управления «Расширенным Ближним Востоком» // США и Канада: экономика, политика, культура. 2005. № 4. С. 72—89.
- 9. У ядерного порога: уроки ядерных кризисов Северной Кореи и Ирана для режима нераспространения / Под ред. А.Г. Арбатова. М.: РОССПЭН, 2007.
- 10. *Федоров Ю*. «Ядерный фактор» в мировой политике XXI века // Pro et Contra. 2002. Т. 7. № 4. С. 57—71.
- 11. Ядерное нераспространение: Краткая энциклопедия. М.: РОССПЭН; ПИР-Центр, 2009.
- 12. *Albright D.* India's and Pakistan's Fissile Material and Nuclear Weapons Inventories, end of 1999. Washington, D.C., 1999.
- 13. Cirincione J., Wolfsthal J.B., Rajkumar M. Deadly Arsenals: Nuclear, Biological, and Chemical Threats. Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2002.
- 14. *Cordesman A*. Iran and Nuclear Weapons. Center for Strategic and International Security, Background Paper for the Senate Foreign Relations Committee, 24 March 2000.
- 15. Eliminating Nuclear Threats: A Practical Agenda for Global Policymakers. Synopsis. Canberra, 2009.
- 16. Hersh S.M. The Cold Test: What the Administration Knew about Pakistan and the North Korean Nuclear Program / The New Yorker. N.Y., 27 January 2003.

- 17. Iran: Time for a New Approach. Report of an International Task Force Sponsored by the Council of Foreign Relations. N.Y.: Council on Foreign Relations, 2004.
- 18. *Kemp G*. Iran's Nuclear Options // Iran's Nuclear Weapons Options: Issues and Analysis. Washington, D.C.: Nixon Center, January 2001.
- 19. List of Nuclear Fuel Cycle Facilities [Electronic resource] // Nuclear Fuel Cycle Information System [Official website]. URL: http://www-nfcis.iaea.org/NFCIS/NFCISMain.asp?RPage=1&RightP=List (дата обращения: 27.06.2010).
- 20. *McCormick K.P.* Sanctions and Diplomacy in U.S. Non-Proliferation Policy toward India and Pakistan, 1998—2000 // Nuclear Developments in South Asia and the Future of Global Arms Control / Ed. by R. Azizian. Wellington: Centre for Strategic Studies, 2001.
- 21. Musharraf P. In the Line of Fire. A Memoir. L.: Simon & Schuster, 2006.
  - 22. The New York Times.
- 23. Nuclear Black Markets: Pakistan, A.Q. Khan and the Rise of Proliferation Networks. A Net Assessment / Ed. by M. Fitzpatrick. L.: International Institute for Strategic Studies, 2007.
- 24. Remarks by President George W. Bush at the 20th Anniversary of the National Endowment for Democracy. United States Chamber of Commerce, Washington, D.C., 6 November 2003 [Electronic resource] // National Endowment for Democracy [Official website]. URL: http://www.ned.org/george-w-bush/remarks-by-president-george-w-bush-at-the-20th-anniversary (дата обращения: 5.08.2010).
  - 25. Statement by Prime Minister Nawaz Sharif // Dawn, 5 September 1999.
  - 26. The Washington Post.